

И. Ф. Тигунцова, г. Ноттингем

КОРАБЛЬ-МОГИЛЬНИК В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ «НОМЕР ОДИН, ИЛИ В САДАХ ДРУГИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

В формально-структурном отношении роман Людмилы Петрушевской *Номер Один* неоднороден. Он начинается с диалога, первая глава романа полностью состоит из него. Это разговор между «первым» и «вторым» [6: 5]. Данная глава занимает шестьдесят четыре страницы из двухсот сорока страниц романа (т.е. более четверти текста) и является одной из его десяти глав. Вполне вероятно, что текст первой главы мог быть задуман как отдельный диалог, а не как роман, и только впоследствии стал его частью.

Что касается тематики, в первой главе обсуждаются различные аспекты так называемого «ночного пения» мифического племени русского севера «энтти», так же как возможное убийство пропавшего в экспедиции сотрудника научно-исследовательского института и необходимость выкупа за его спасение. Украшенная антропологическими подробностями, эта глава характеризует директора института алчным невеждой с криминальными задатками и сосредотачивает внимание читателя на проблеме смерти, её процессе, ритуалах, связанных с его опасностями, и «удачным» и «неудачным» умиранием. Диалогичность главы, так же как и романа в целом, может послужить материалом теории Михаила Бахтина, и функция отсылки, характеризующая волшебные сказки, о которой писал Владимир Пропп, появляется в этой главе романа. [1: 242; 6: 31] Мотив поиска подчёркивает идею путешествия между различными мирами, к которой я вернусь далее.

Из диалога главы не вполне понятно, кто именно является посредником между мирами живых и мёртвых: Номер 1; пропавший исследователь Кухарев, нуждающийся в выкупе; или, возможно, способный на ночное пение Никулай [sic] из народа энтти. Следуя перемещениям героев от стадии к стадии метемпсихоза, читатели узнают, что все три персонажа перемещаются между мирами (а может быть и являются одним и тем же существом).

Фольклорные мотивы Проппа возможно также стоит упомянуть в связи с прозвищем Номера 1, которое ему дали в народности «энтти», «Уйван-Крипевач». Прозвище, вполне вероятно, является смешением сказочного «Иван-Царевич» и фамилии «Клиневич», принадлежащей герою кладбищенского рассказа Федора Достоевского «Бобок», а также игры слов с выражениями «жить припеваючи» и «припевать», указывающей на амбиции Номера 1 и, напоминающей читателям о ночном пении энтти, обсуждающимся в данной главе [2: 49]. Кроме того, разговор Номера 1 с Номером 2 переключается с приказом царя, отправляющего своего вассала Ивана на поиски в хорошо известной народной сказке «Иван-Царевич и серый волк», в которой так же, как и в первой главе романа Петрушевской значительную роль играют темы превращений и второй молодости, и плохо скрытое желание Номера 2 отделяться от Номера 1, пока тот исполняет желание «масты». Слово «маста», передающее транскрипцию английского слова «master» [хозяин] русскими буквами, появляется в конце главы и его значение Номеру 1 приходится объяснять полуграмотному хамовитому директору института Номеру 2. В дальнейшем тексте романа выясняется, что Номера 1 зовут Иван, что также обыгрывается Петрушевской, скрыто рифмующей при помощи английской фонетики «Иван — Number One» [Иван — Намба Ван]. Единичность Ивана как отрицается в тексте романа, в котором он проходит различные стадии метемпсихоза и становится разными людьми в буквальном смысле слова, так и развивает идею бинарного кода, связанного с темой компьютерной игры о разных версиях ада, которую пытается создать Иван, чтобы поработать, и в которую, как кажется, попадает сам в ходе повествования.

Буква «ю» в названиях обеих рек романа, Юзень и Люнг, своей фактурой оказывается связанной как с Сибирью в романе Бориса Пастернака *Доктор Живаго* (г. Юрятин, например), в котором тема жизни имеет основное значение, находясь в бинарной оппозиции к теме смерти в романе Петрушевской, так и с экзотикой азиатского Зауралья [4: 125]. Фонетически снова используемая Петрушевской игра слов с привлечением английских слов в русской транскрипции, как и в случае со словом «маста», а именно «Урал — Urals» [Юралз], где «ю» появляется в транскрипции кириллицей. Герой Петрушевской Юра Кухарев, Юрий как и Юрий Живаго, погибает на реке Юзень, а река с китайским на-

званием Люнг подобна Стиксу в верованиях эннти, к которым также относятся упоминания о длинной руке и пальцах «трехпалого, однорукого» бога в свою очередь привносящие в текст «ю», переключаясь с именем «Юрий Долгорукий» [5: 29, 40, 41].

Превращения и переходные состояния передаются у Петрушевской при помощи тропов воды, льда и камня, так тесно связанных между собой, что я предлагаю считать их вариантами одного и того же тропа, что я более подробно обсуждаю в другой работе на данную тему. Эти варианты появляются в тексте романа о перемещениях между стадиями смерти и (нежелательными) формами существования после неё.

Такие перемещения в первой главе происходят на кургане-могильнике, священном мольбище эннти, расположенном глубоко в Сибири. Отверстие к «камеру» [sic] кургана представляет из себя колодец, что создаёт определённую нарочитую путаницу для читателя: вместо подъёма на насыпь, который предположительно должен бы описывать Номер 1 уже не со слов записи ночного пения Никулая, описывается спуск вниз, в колодец, то есть не только под землю, но и под воду. Отверстие колодца находится под плоским камнем [5: 35]; само понятие колодца привносит в повествование идею воды. Номер 1 затем сообщает, как они с Кухаревым сооружают «что-то типа трапа», что создаёт впечатление о корабле-колодце на воде [5: 35]. Этот образ закрепляется указанием на то, что склеп из «толстых брёвен лиственницы», то есть традиционного корабельного леса, что также усиливает понятие о корабле-могильнике, и представляет гробницу кораблём на пути к миру за пределами могилы и смерти [5: 35].

Номер 1 указывает, что следующий камень был уже сдвинут и «в склеп набралась вода» [5: 35]. Колодец, как зачастую и в славянском фольклоре, в романе Петрушевской является мистическим отверстием, переходом к «нижнему» миру, не только физическим отверстием в склепе, а замёрзшая вода — лёд — последней крышкой на этом отверстии. Троп льда, таким образом, задействован для обозначения символического перехода от воды к камню и от «среднего» к «нижнему» мирам, так как душам умерших в *Номере Один* приходится продираться через материковый лёд. [5: 36] Понятие о корабле-могильнике также появляется в связи с тем, что Номер 1 называет вход в священный колодец эннти «люком» как будто он находится на корабле, способном к морским рейсам, что привносит в текст дополнительное значение «большой воды», такой, какая может понадобиться при дальних морских путешествиях, так же как и представление о путешествии между мирами [5: 35]. Колесница, упоминаемая Номером 1, также и более явно передаёт идею путешествий [5: 36]. Помимо этого оказывается, что мамот [шаман] племени Никулай может «преобразиться в щуку и уйти в океан», таким образом, обращаясь в верховного бога эннти [5: 36]. Образ верховного бога-щуки говорит о том, что весь «нижний мир» романа — вода, при условии того, что божества населяют тот же мир, что и умершие. Щука — традиционный сказочный персонаж, фигурирующий в сказке «По щучьему веленью», в которой также присутствуют превращения и передвижения, что подчёркивает фольклорные коннотации романа *Номер Один*.

Троп воды и его вариант, троп льда, являются символами перехода, что у Петрушевской включает в себя различные стадии метемпсихоза. Упоминания камней и надгробий, возможно, тривиально в повествованиях о смерти, но не задействование образов воды и корабля в этой связи. У Петрушевской в романе *Номер Один или В садах других возможностей* корабль-могильник оказывается обозначающим разные стадии перехода от жизни к смерти и наоборот.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 21. Ленинград: Наука, 1980.
3. Пахомова, С. И. Константы художественного мира Людмилы Петрушевской. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006.
4. Пастернак, Б. Доктор Живаго. М.: «Земля и фабрика», 1964.
5. Петрушевская, Л. Номер Один или В садах других возможностей. СПб.: Амфора, 2009.
6. Пропп, В. Я. Труды: морфология / Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.
7. Русские народные сказки. Минск: Народная Асвета, 1977.
8. Tigountsova, I. The Ugly in Russian Literature: Dostoevsky's Influence on Iurii Mamleev, Liudmila Petrushevskaja, and Tatiana Tolstaia. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010.